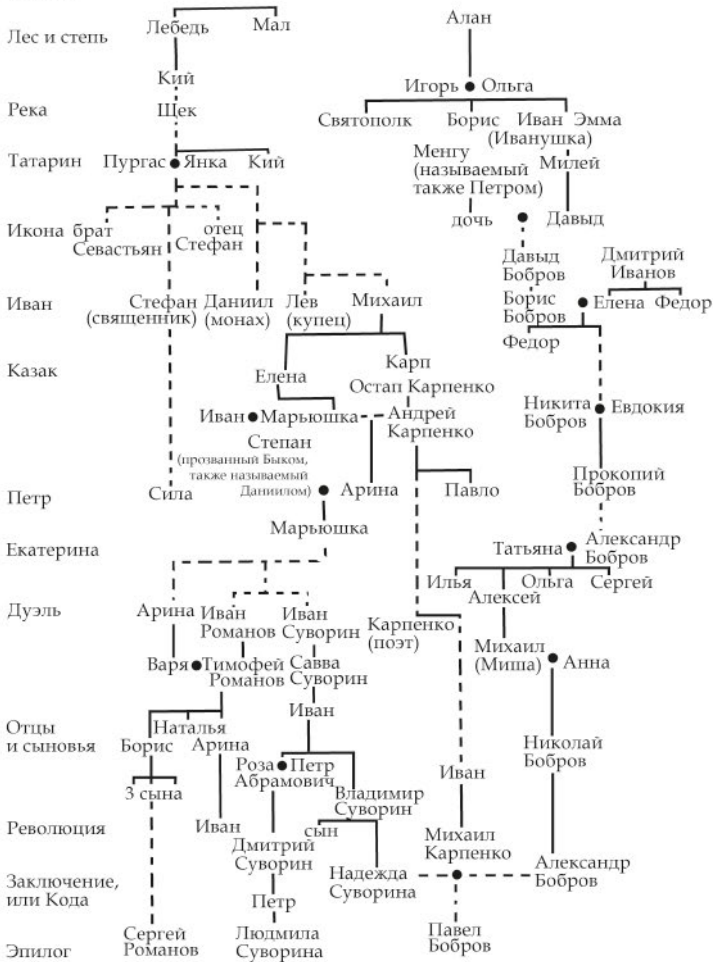

*Эту книгу
автор с глубоким почтением посвящает тем,
кто сейчас восстанавливает монастырь
в Оптиной пустыни*

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО

ГЛАВЫ

Предисловие

СЕЛО, ЗАТЕМ ГОРОД РУССКОЕ

Два поселения, носящие в этом повествовании название Русское (первое на юге, а второе, основанное позже, — на севере), — целиком вымышлены, впрочем, само это название действительно можно найти на карте. Каждое из этих вымышленных местечек представляет собой сплав черт, присущих, соответственно, русскому Югу и русскому Северу. В северном Русском, где происходят основные события романа, старый город и монастырь отчасти отдаленно напоминают древний город Суздаль, в котором и были написаны несколько глав этой книги. Чудотворные ключи я увидел под стенами древней Изборской крепости, на северо-западе России. Усадьба Бобровых весьма походит на имение, принадлежавшее семье Пушкина.

РОМАН «РУССКОЕ»

«Русское» — исторический роман. Семейства Бобровых, Сувориных, Романовых, Ивановых, Карпенко, Поповых и персонаж по фамилии Пинегин вымышлены. Однако, прослеживая их судьбы на протяжении столетий, я помещал их в историческое окружение, среди лиц, которые существовали или, по крайней мере, могли существовать, и событий, которые происходили или, по крайней мере, могли происходить на самом деле.

Я, насколько возможно, старался показать читателю исторический фон тех или иных событий; сведения, которые я привожу для его удобства в романе, надеюсь, окажутся достаточно информативными, но в то же время не будут раздражать его излишними подробностями. Время от времени я позволял себе чуть-чуть «сжать», сократить изображаемые события, чтобы упростить ход повествования, но, полагаю, нигде не исказил исторической правды.

Пытаясь хоть сколько-то передать ощущение удивительного богатства и своеобразия русской культуры, я счел себя вправе обильно заимствовать из неисчерпаемых источников — русского фольклора и литературы. За результат, каким бы он ни вышел, разумеется, всецело несу ответственность я один; впрочем, надеюсь, что у читателей, знакомых с предметом, возможно, возникнет чувство, что они встретили на этих страницах своих старых друзей.

В тех случаях, когда топонимы менялись, я опять-таки опирался на собственное суждение, иногда используя исторические формы, иногда, для ясности, современные.

КРАТКИЕ ИТОГИ

Изначально эта книга писалась в 1987–1991 годах: за это время я несколько раз ездил в Россию и в общей сложности провел там много месяцев. Путешествуя как частное лицо, я смог не только побывать в Москве и в Ленинграде, но и увидеть северо-западные области страны, вплоть до Кижей и Балтийского моря, средневековые города Золотого кольца вокруг Москвы, Киев, Чернигов и Украину. Мои странствия по югу России привели меня в Одессу, в Крым, на берега Дона, где традиционно селились казаки, на Кавказ и в среднеазиатские города Хиву и Самарканд, расположенные в пустыне. Благодаря друзьям мне удалось посетить город Гусь-Хрустальный,

находящийся примерно рядом с вымышленным северным Русским. Союз писателей также любезно свозил меня в старинную Рязань и показал место, где располагалась первая, еще более древняя Рязань, сожженная татаро-монголами, — оно произвело на меня пронзительное и скорбное впечатление.

Однако наиболее важным показался мне тот проведенный в России день, когда, опять-таки благодаря Союзу писателей, я смог побывать в только что возрожденной монашеской обители — Оптиной пустыни. Мы прибыли туда тотчас же после знаменательного события: накануне монахи обрели мощи знаменитого старца Амвросия Оптинского, жившего в XIX веке, и в то самое утро, когда мы приехали в монастырь, служили по сему случаю торжественный благодарственный молебен. Мне, иностранцу, ставшему свидетелем этой трогательной в самой своей простоте сцены, было дано на мгновение узреть истинную Россию, и я раз и навсегда уверился в том, что, если мы хотим понять хоть что-то в настоящем и вероятном будущем этой удивительной страны, необычайно важно как можно глубже погрузиться в ее прошлое.

Благодарности

Я хотел бы выразить глубокую признательность профессору Института славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета доктору Линдси Хьюз и аспирантке Йельского и Висконсинского университетов мисс Кэти Поттер, которые, разделив, прочитали всю рукопись этой книги и исправили ошибки. Если в романе остались какие-то неточности, погрешности и несообразности, то все они — исключительно на моей совести.

Мне хотелось бы также поблагодарить профессора Йельского университета Пола Башковича, предложившего мне написать роман о России.

Мне хотелось бы также высказать глубокую признательность Эдварду Казинцу и сотрудникам славянского отделения Нью-Йоркской публичной библиотеки, сотрудникам библиотеки Батлера Колумбийского университета и сотрудникам Лондонской библиотеки за их неутомимую помощь, неизменную поддержку и дружеское расположение. Мне хотелось бы особо поблагодарить членов нью-йоркского Синода Русской православной церкви за рубежом и преподавателей Крествудской Свято-Владимирской духовной семинарии, которые помогли мне получить многие книги, необходимые для моей работы.

Я хотел бы также выразить признательность мистеру Джону Робертсу, любезно порекомендовавшему меня многим из тех, кто впоследствии оказал мне помощь и поддержку, а также члену Союза писателей Москвы господину Владимиру Стабникову, которому я в значительной мере обязан тем, что мои путешествия по России состоялись, и который дал мне множество полезных советов и всячески ободрял и поддер-

живал меня в моем начинании. Я также благодарен сотрудникам Государственного Эрмитажа, любезно организовавшим для меня индивидуальные экскурсии.

Я бы хотел упомянуть также о множестве людей и на Западе, и в СССР, которых не могу перечислить здесь поименно и которые частным образом оказали мне большую помощь и гостеприимство; я никогда не устану благодарить их.

Мне бесконечно посчастливилось иметь такого литературного агента, как Джилл Колридж, и двух редакторов — Бетти А. Прешкер, сотрудницу издательства «Краун Паблишерс», и Розы Чизем, сотрудницу издательства «Сенчери»: их терпение, поддержка и неизменная, неутомимая помощь сделали возможной появление этой книги.

Я глубоко признателен своей жене Сьюзан за доброту и терпение, проявленные ко мне в то время, пока я вынашивал, обдумывал и лелеял этот творческий замысел.

Пользуясь случаем, еще раз приношу особую благодарность Элисон Борзуик за профессиональное составление карты.

И наконец, я хотел бы высказать признательность архимандриту и монахам Оптиной пустыни, открывшим моему взору незабываемые образы России.

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ЛЕС И СТЕПЬ

180 год н. э.

В степи этой ночью было тихо. Тихо было и в лесу.

Ветер пролетал над землей, едва касаясь.

В избе, одной из шести сбившихся в стайку в маленькой деревушке у реки, спала, обняв ребенка, мать.

Она не ощущала приближения опасности.

Высоко в озаренном звездами летнем небе время от времени медленной, ленивой чередой проплывали бледные облака, отражающие мягкий свет месяца, виднеющегося на юге.

Пышные, белесоватые, низко нависающие, появлялись они, подобно всадникам с востока, из неизвестно каких бесконечных степей; величественно, неспешно скользили над крохотной деревней на речном берегу и, оставив позади эти избы, продолжали свое странствие над темным лесом, тоже, возможно, тянувшимся бесконечно.

Деревушка располагалась на юго-восточном берегу широкой полноводной реки. Дубовые и липовые, сосновые и березовые леса постепенно сменялись здесь полянами и широко раскинувшимися лугами, окраинами огромной, могучей степи. А за маленькой речкой на северо-западном берегу простирался лес, густой, темный и непроходимый.

Три семьи, обитатели этой деревеньки, пришли сюда пять лет тому назад и, обнаружив здесь древнее, давным-давно заброшенное укрепленное поселение, сплошь заросшее мелким кустарником, расчистили его, установили

часток на защищающем его низком земляном валу, а внутри построили пяток изб. Поблизости распахали два больших поля, неровными полотнищами вторгшихся в границы леса. За ними вскоре одна за другой заперстели лоскутным одеялом рощисты поменьше.

В нескольких сотнях сажен земля по обоим берегам реки заболачивалась, и болотца эти тянулись на много верст.

Ветер пролетал над землей, едва касаясь. Он словно ласкал верхушки деревьев, и древесные кроны, озаренные снизу, бледно мерцали в звездном свете. В лесах поблескивали воды извилистой реки и болота.

Кроме тихого шелеста листвы, ничто не нарушало безмолвия. Лишь порой заводится небольшой зверек или олень прошествует сквозь густую траву. В какое-то мгновение возле болота за кваканьем лягушек внимательное ухо могло уловить хруст веток: это по лесной опушке пробирался медведь. Однако в деревне слышался лишь шелест деревьев да время от времени шорох колосьев, стоило ветерку провести невидимой рукой поверх длинного полотна ячменного поля, тотчас на миг покрывавшегося рябью, будто все его охватывала дрожь.

Иногда поле замирало, а иногда колосья наклонялись в другую сторону, словно ветер с востока лениво затихал, чтобы спустя мгновение снова заколыхать спелый ячмень.

Это происходило в 180 году — а как будто и не в 180-м, ведь, хотя в будущем тот год пометят именно таким номером, христианский календарь еще не использовался. Далеко на юге, в римской провинции Иудея, где жил Иисус Назаретянин, ученые раввины подсчитали, что сей год — 3940 от Сотворения мира. Кроме того, то был сто десятый год со дня разрушения Иерусалима. В остальной Римской империи шел двадцатый и последний год правления Марка Аврелия и первый год единоличного правления Коммода. В Персии считали 491 год эры Селевкидов.

А какой год протекал у жителей крошечной деревеньки на опушке леса? Насколько известно истории — никакой. О присвоении годам длинных номеров, как это принято в цивилизованном мире и фиксируется в письменных текстах, здесь и слыхом не слыхивали.

Это была земля, которая однажды станет известна под названием Россия.

Ветер пролетал над землей, едва касаясь.

Она спала, прижав к себе маленького сына. Тревожные мысли, которые беспокоили ее накануне, покинули ее во сне легко и бесследно, точно бледные облака, растворяющиеся вдаль над лесом, за рекой. Она спала безмятежно.

В избе расположились на ночь двенадцать человек. Пятеро из них, в том числе Лебедь и ее сын, лежали на широких полотах, закрепленных поперек над большой печью. В эту теплую летнюю ночь печь не топили. Воздух был напоен сладковатым, земляным, довольно приятным запахом, исходившим от людей, которые весь день проработали в страду в поле. К нему примешивался свежий аромат трав, приносимый ветром сквозь квадратный открытый оконный проем.

Она лежала на самом краю полатей, в соответствии со своим низким статусом, ведь она была младшей из жен своего мужа. Она была уже немолода, ей исполнилось двадцать семь. Лицо у нее было широкое, в бедрах она уже раздалась, округлилась. Густая светлая коса ее свешивалась с края деревянного настила.

Рядом с ней, положив голову на материнскую пухлую руку, спал ее пятилетний сын. До него были у нее и другие дети, но все они умерли, он остался у нее единственным.

Замуж она вышла пятнадцати лет и всегда знала, что муж взял ее в жены только потому, что она была сильной: ей полагалось работать. Но жаловаться ей было особо не на что. Муж оказался человеком незлым. Высокий,

все еще пригожий в свои сорок лет, с обветренным лицом, выразившим кротость и даже какую-то задумчивость, обычно, едва завидев ее, он оживлялся, в его светло-голубых глазах появлялась веселая, озорная искорка, и он кликал ее: «А вот и моя мордовка!»

У него это словцо было почти ласковым. Но в чужих устах оно звучало совсем по-другому.

Ведь Лебедь не считалась полноправным членом племени. В глазах мужнина клана она была полукровкой из-за происхождения ее матери. Кем была та? Одной из лесного народа? Мордовкой?

С незапамятных времен по лесам и болотам, простиравшимся на сотни верст к северу, были рассеяны финно-угорские народы, к числу которых принадлежало и племя ее матери. Широколицые, со смугловатой кожей представителей монголоидной расы, они охотились и ловили рыбу в этих бескрайних пустынных землях и жили в крохотных хижинах и землянках жизнью почти первобытной. Во дни солнцестояния они водили хороводы и высокими, резкими, несколько гнусавыми голосами монотонно распевали во славу неяркого солнца, которое чем дальше на север, тем реже показывалось зимой, а летом лишало землю ночного покоя, погружая мир в долгие, белые сумерки, и размывало линию горизонта вспышками бледных зарниц.

С недавних пор народ ее мужа — светловолосые люди, говорящие на славянском языке, — стал основывать в этом лесу, к востоку и к северу от своих исконных земель, небольшие колонии. В некоторых из этих поселений возделывали поля и разводили скот, как это делал клан ее мужа. Славяне и первобытные финно-угорские народы, коли случалось им сталкиваться, враждовали редко. Земли и охотничьих угодий здесь хватило бы и народу, числом превосходящему их в десять тысяч раз. Вступали они и в смешанные браки вроде того, что некогда заключила ее мать. Но жители деревушки все равно с презрением смотрели на лесных людей.

Ее муж шутил, величая ее по названию большого мордовского народа, чьи земли располагались далеко на севере, а не того маленького племени, к которому принадлежала ее мать. Но имя это — «мордовка» — обращало ее уж совсем в чужеземку, хоть и была она наполовину славянкой. А еще это слово, печально размышляла она, не давало забыть всему остальному клану, что надобно относиться к ней с пренебрежением.

И особенно ее свекрови. Вот уже почти тринадцать лет, дородная и грозная, была она для Лебеди словно туча, что вот-вот прольется ливнем и градом. Иногда по многу дней ее лицо, с тяжелыми, отвисшими щеками и крупными звериными чертами, сохраняло безмятежное, даже дружелюбное, выражение. Но затем лишь малая провинность с ее стороны — уронила веретено, разлила сметану, — и свекровь впадала в безудержный гнев. Остальные женщины в доме в таких случаях смиренно молчали, либо опустив глаза в пол, либо украдкой наблюдая за расправой. Но она знала: втайне те радуются, что сами избежали кары, что ярость свекрови обрушилась на чужеземку. Излив гнев, свекровь обычно без всякого перехода приказывала ей вернуться к работе, а потом, пожав плечами, обращалась к остальным: «Чего и ждать-то от бедной мордовки?»

Вытерпеть это было не так уж трудно, кабы не ее собственная семья. И отец ее, и мать умерли годом раньше, и у нее оставался теперь только младший брат. Именно из-за него она вчера и плакала.

Он никому не делал зла, но вечно попадал в немилость к деревенскому старейшине. На его широком, глуповатом лице вечно сияла улыбка, даже когда он напиивался допьяна: и ничего он не хотел от жизни, только охотиться да баловать своего маленького племянника.

«Забудь о Кие, — говорила она ему, — да и обо мне тоже, если не будешь слушаться старейшины». Но все было без толку. Он терпеть не мог работу в полях, разрешения отлучиться не спрашивал и пропадал в лесу целыми

днями, покуда сельчане раздраженно о нем судачили, а потом она замечала: вот он, пожалуйста, приземистый и сильный, вышагивает как ни в чем не бывало, на поясе висит несколько шкур, на лице сияет обычная его глуповатая улыбка. Старейшина принимался его бранить, а свекровь поглядывала на нее с удвоенным отвращением, словно это ее вина.

А теперь, надо же, накануне он — дурак дураком! — пообещал мальчику: мол, в следующий раз, как пойдет на охоту, добудет Кийчику медвежонка. Станет племянник держать его на привязи возле избы.

— Но, Мал, — напомнила она брату, — старейшина же сказал, что выгонит тебя из деревни, если ты опять ослушаешься.

В наказание за отлучки старейшина и так запретил ему охотиться на весь остаток года.

Но брат только кивнул своей большой, светловолосой головой, по-прежнему глупо улыбаясь, и не сказал ни слова.

— И что бы тебе не жениться и не оставить дурачества? — в отчаянии крикнула она.

— Как прикажешь, сестрица Лебедь.

Он с усмешкой склонил голову.

Нарочно сказал так, чтобы вывести ее из себя, ведь почти никого в деревне не называли полным именем. Мальша Кия все кликали детским, малым именем — звали Кийчиком. И ее редко звали Лебедью, с детства величали ласкательным прозвищем: Лебедушка. Прозвище было и у Мала: сельчане честили его Лентяем, когда на него злились.

— Лентяй! — не осталась она в долгу, охваченная гневом. — Остепенись да возьмись за работу!

Но Мал и не думал остепеняться. Он предпочитал жить в крохотной избе вместе с двумя стариками, сейчас уже ни на что не годными, вот разве охотившимися изредка на мелкую дичь. Втроем они пили мед, били зверя

да рыбачили, а женщины посмеивались над ними, но терпели.

Вчера она еще дважды приходила к нему в поле, и во второй раз даже расплакалась, пытаясь уговорить его не ходить за медвежонком. Хотя брат и был для нее сущим наказаньем, она все равно его любила тосковала бы по непутевому, если бы того изгнали.

И каждый раз, хотя и видел слезы на глазах у сестры, Мал только усмехался, и по его крупному, широкому лицу стекали капли пота, когда он стаскивал копны сена в стог.

Вот потому-то на исходе этого долгого дня она не сразу заснула и долго ворочалась; а когда наконец погрузилась в забытье, бессознательно ощущала предвестие беды.

Но сейчас ночь исцелила ее от всех страхов, и она забылась сном без сновидений. Под простой, грубой рубашкой грудь ее равномерно вздымалась и опадала. Долежавший из окна ветерок шевелил светлые вихры ее ребенка.

Никто не проснулся, когда пес, который дремал на пороге, привскочил и выжидательно уставился на две тени, проскользнувшие мимо. Никто, кроме маленького мальчика, на миг приоткрывшего глаза. Он сонно улыбнулся, и если бы его мать проснулась, то почуяла бы, как Кийчик весь дрожит от волнения. Он снова закрыл глаза, по-прежнему улыбаясь.

«Скоро!»

Ветер пролетал над землей, едва касаясь.

Но где же находилась эта деревушка, эта река, этот лес?

Здесь надо в нескольких словах пояснить, почему это волшебное место так важно.

По традиции географическая наука издавна делит гигантский материк Евразию на две части: Европу — на западе, и Азию — на востоке. Но традиция эта обманчива.